

ИВАН БЫКОВ

**УНАГИ
С МАКОМ
ИЛИ
ЗМЕЕ-WEEK**

Иван Быков

Унаги с маком или Змее-Week

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Быков И. В.

Унаги с маком или Змее-Week / И. В. Быков —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Насыщенная неделя из жизни Нестора, учителя высшей категории, молодого и перспективного змея. В череде невероятных событий, едва не приведших к эсхатологическому финалу (как индивидуальному, так и всемирному), происходит изменение не только мировоззренческих позиций главного героя, но и глобальная трансформация основных взаимодействий материального мира. Сможет ли Нестор найти верный путь в хитросплетениях семейной жизни? Сможет ли простой учитель спасти наш мир, если ему помогут добродушный пурпурный Наг и мудрый Дракон-венеролог, триединый и вездесущий?

© Быков И. В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Иван Быков

Унаги с маком, или Змее-Week

Унаги – японский речной угорь. (Толковый словарь).

Унаги – состояние полного созидания. (Сериял «Друзья», сезон 6, эпизод 17).

1

Старенький кастом огрызнулся напоследок и затих. Нестор снял шлем, повесил его на локоть, продев руку через забрало. Вытащил ключ зажигания, втиснул его вместе с брелоком – змей, пожирающий собственный хвост, – в левый нарукавный карман защитной куртки и застегнул молнию. Это было то самое место – восьмой километр (кто бы сомневался: они любили восьмерку – знак бесконечности) загородного шоссе, бетонный долгострой в несколько этажей, пробитый сорняками асфальт.

На стене, заплеванной страйкбольной краской, красовалась кошачья рожа с корявым нимбом. Между нимбом и кошачьими ушами было старательно выведено готическим шрифтом: «Kott mit uns». Рядом красовался еще один шедевр – крупномерный половой орган с поясняющей надписью на латыни: «Nobiscum Penis».

Было раннее сырое утро. Над остывающим мотоциклом поднимался пар. Отсыревшие окурки, использованные презервативы и покрытые конденсатом пустые бутылки во множестве были рассеяны по близлежащей территории – бравые боевые ребята с игрушечными пукалками, устраивавшие здесь бои по выходным, не отличались педантизмом и пуританскими нравами. Но сегодня была среда, о людях напоминали только неопрятные продукты их жизнедеятельности.

По трещине в стене, между котом и пенисом, заструилась ртуть – маленький ужик бесшумно скользнул за угол строения, которое стало руинами, так и не сумев стать придорожной гостиницей. Нестор послушно двинулся следом.

Бетонные плиты за углом были расколоты и через пару шагов превратились в глинозем, усеянный кусками бетона. Между этими осколками рыжели метастазы крупного, разветвленного муравейника.

Суетливых насекомых не было – муравейник выглядел мертвым, как, впрочем, и все здесь, на восьмом километре. Нестор заранее поёжился, вздохнул. Потом быстро скинул куртку, положил ее на влажный островок травы. Перчатки – в шлем, шлем – на куртку, не на землю – байкеры суеверны. Стянул тяжелые ботинки, серые носки, затем штаны с наколенниками. Не останавливаясь, дабы не утратить решимости, через голову избавился от футболки и, наконец, немного попрыгав на правой, а потом на левой, бросил последнюю деталь туалета, трусы, поверх куртки и штанов. Теперь он стоял совершенно обнаженный, покрывшись от утренней прохлады и сырости гусиной кожей.

– Наг всегда наг, – сказал Нестор никому в никуда.

Уж изогнулся скользким угрем, истончился и стальной иглой проник в подземные лабиринты муравейника. Нестор вновь вздохнул и нехотя повторил змеиный маневр – не любил он эти ритуальные движения, они казались ему архаичными (если пристало Нагу говорить о времени) и бесполезными (если дозволено Нагу судить о целесообразности). Но проводник звал, и зов этот неизбежно влек за собой, как всегда влекут за собой Нагов призывы проводников в любом из иллюзорных миров Бытия.

Руины долгостроя, окруженные мусорными полянами, растаяли забытым сновидением. Начиналась напряженная гонка с преследованием по лабиринтам муравейника. По лабиринтам, в которых нельзя заблудиться, но в которых шаг за шагом оставляешь все проявления Саттвы и Тамаса, чтобы очищенным, подготовленным, перевоплощенным очнуться в светлых коридорах Центрального управления Раджаса.

Нестор собрал тело в упругие кольца, потом хлестко стеганул хвостом по глиняным стенам подземного коридора, разминаясь и ожидая трепещущего прилива силы, а затем стремительно заскользил в темноту, все ниже, глубже, дальше от Взвеси, которую он уже больше тридцати лет называл собственной жизнью.

2

В детстве и юности Нестор дружил со своим именем. Некогда отец объяснил ему, что по-гречески имя означает «вернувшийся на Родину». Вряд ли детские думы Нестора при этом наполнились возвышенным патриотизмом, но все же, некую тонкую особенность он в себе ощутил и проникся конструктивно-эгоистическим самодовольством.

Большая Страна распалась на много маленьких; система образования, после недолгого неуклюжего баланса на грани, стремительно ухнула вслед – в беспросветную бездну мещанства и пошлости. Это обстоятельство повлияло на уровень общей эрудиции Несторовых одноклассников, что спасло его в школьные годы от кличек и подтрунивания.

Всеми историческими красками заиграло имя уже в университете: Нестора угораздило еще в школе заинтересоваться историей, что и повлияло на выбор факультета. Вот здесь, на истфаке, стали прилипать всяческие Нестории, Летописцы и батки Махно – в зависимости от изучаемого на лекциях материала.

По окончании университета отправиться вслед за Ефремовым увлекательными «дорогами ветров» не получилось по тем же обстоятельствам: археология и палеонтология утратили энтузиастский флер и обрели мерзейшее прикладное значение – обслуживать злые амбиции маленьких националистических ошметков некогда большого и доброго народа.

Поэтому Нестор снова оказался в школе. Наверное, только историк может ощутить в полной мере изысканную благодать школьной атмосферы: именно здесь, в учебных аудиториях, будущее проходит огранку и обретает форму в горнилах образовательных коммуникаций для того, чтобы неизбежно стать прошлым. Исторический процесс в миниатюре.

В школе Нестор утратил не только университетские прозвища – он потерял отчество «Иванович», которым обладал по праву рождения, зато обрел отчество «Петрович», которым – со ссылкой на «Большую перемену» – нарекали его теперь все: от кокетливых молоденьких выпускниц педвузов до покровительственных бальзаковских и постбальзаковских коллег-матрон. «Петровичем» его окликала даже директор; ученики, не видевшие этот фильм, со временем, под давлением масс, тоже стали менять через раз «Ивановича» на «Петровича». Нестор смирился.

Учитель истории полюбил свою работу не сразу. Сначала череда случайностей: школа-новостройка, в которой полштата вакансий; однокурсница, которая уже устроилась туда сама и звала за собой всех на дионисиях в день получения дипломов; крах надежд, безразличие, перерастающее в профессиональную безнадегу.

Но учитель привыкает к школьной действительности так, как моряк привыкает к морю: принимает как данность, вскоре начинает любить, а потом жизни не мыслит своей ни без рутинных штилей, ни без авральных штормов.

В школьную столовую Нестор Иванович-Петрович не ходил: какие-то внутренние ограничения не давали ему принимать пищу перед собственными учениками. Он понимал, что это ханжество, злился на себя, но ничего не мог поделать с этой странностью. Вместо столовой на

переменах он нередко посещал крыло начальной школы, где среди суеты забавных малышек рассеяно пил чай и слушал щебет стайки молодых, почти юных «начальниц» – учительниц начальных классов.

Со временем Нестор узнал, сколько в школе «тайных комнат»: коморок, каптерок, лабораторий, складов, подвалов и свободных от занятий кабинетов. Проводницей по этим секретным катакомбам стала Ниночка, одна из стайки. Через два года Нестор и Ниночка покинули школу – он перевелся в гуманитарную гимназию, она отправилась в декрет. Все это произошло через два месяца после их свадьбы.

Еще через год Нестор встретил Кира.

3

Младшая кастелянша, довольно хорошенькая змейка Зоенька, окинула Нестора взглядом от самых его босых ступней до влажных, примятых мотоциклетным шлемом волос, не без лукавого интереса задерживаясь в некоторых местах.

– Добро пожаловать в Раджас, – улыбнулась она, протягивая аккуратно сложенный зеленый сверток в тонкой пленке целлофана.

Нестор принял сверток, благодарно улыбнувшись в ответ: ему нравились девушки из местного персонала, импонировала их небрежная нежная пошлость, льстило их внимание. Как-никак Нестор был Нагом, пусть всего лишь Первого дна, но все еще было впереди – с момента пробуждения во Взвеси прошло всего три года.

В раздевалке было пусто. Целлофановая оболочка лопнула с легким треском. Нестор развернул халат, еле успев подхватить выпавший зеленый пояс. Это одеяние было промежуточным звеном между униформой хирурга и барским шлафроком; оно невероятным образом сочетало в себе строгость, практичность, элегантность и немного броскую бархатную роскошь.

Накинув халат на голое тело, туго опоясавшись, Нестор вышел в коридор и зашагал, достаточно уверенно (не в первый раз) сворачивая на многочисленных перекрестках-ответвлениях, в сторону кабинета Наставника. По коридорам деловито скользили змейки и Наги, – все в зеленых халатах, но с поясами различных цветов, что указывало на различие в рангах, званиях и стаже пребывания в этом мире идеальных существ; мире, который испокон связывает иллюзорную Взвесь Бытия и абсолютную реальность не-Бытия. Наставник объяснял положение дел приблизительно так, но Нестор усвоил эту онтологию весьма поверхностно – для изучения теории у него была теперь целая вечность.

Кир был в кабинете один. Он был окружен ароматом китайского оолонга, который заваривал прямо в чаше впечатляющих размеров. Периодически Кир всхохатывал и бил себя свободной пухлой дланью по монументальному бедру, дивясь некоему зрелищу в мерцающем мониторе. Поскольку бедро (и не только) выпросталось из под полы халата, звуки шлепков были пронзительно звонкими. Диктор вещал монотонно и непонятно.

– Заходи! – Кир махнул рукой в сторону кресел для посетителей и снова издал краткий гогот под аккомпанемент звонкого шлепка. Нестор поспешил опуститься в кресло и просел в нем как можно ниже, не из фамильярности, а лишь для того, чтобы офисный стол оказался на линии взгляда, прикрывая могучее мужское достоинство Наставника, бесстыдно и хвастливо возлежащее меж разъехавшихся пол халата.

– Глянь вот, – Кир, не отрываясь от монитора, подвинул к Нестору тонкую брошюру и добавил, стараясь вложить должную толику пиетета:

– С самого Дна!

Нестор осторожно, двумя пальцами, взял брошюру за уголок и, развернув к себе, прочитал титул:

Во исполнение нижайшего распоряжения,
касательно грядущих событий,
ИНСТРУКЦИЯ.

Ни даты, ни номера, ни адресата, ни составителя, – как и положено документу «с самого Дна».

Слегка отвлекаясь на Кировы взрывы эмоций, Нестор пробежал взглядом по тексту на развороте. Бережно закрыл брошюру и положил на место, придав ей прежнее положение. И замер в ожидании.

Через некоторое время Кир завершил просмотр. Гоготнув в последний раз, он убавил звук до минимума и откинулся в кресле. Вещание диктора превратилось в маловнятное бормотание.

– Их новости – это нечто! – заключил Наставник. – Просто чудо! Особенно в срезе, лет за десять. Невозможно оторваться! Такая непосредственная наивность – только за эти новости их нужно любить и беречь. – Он улыбался счастливо, как ребенок после просмотра любимого мультфильма. – По нижайшей «Инструкции» вопросы есть?

– Есть, – честно признался Нестор.

– И? – Наставник сделал очередной богатырский глоток зеленого чая.

– Вопросов много. Например, кто такие «воплощающие бесстрашие» и как они связаны с «всепроницающими, лишенными сомнения»? – Нестор постарался, чтобы в вопросе звучала искренняя заинтересованность, как у самых талантливых учеников на его уроках.

Кир перестал улыбаться. Он смотрел на своего подопечного не мигая, в упор, поверх чайной чаши, источающей пар.

– Шутишь? – наконец спросил Кир недоверчиво.

– Нет, – ответил Нестор, почти не солгав. – Какие уж тут шутки?

Наставник некоторое время задумчиво пережевывал крупнолистовую чайнку. Помолчали. Через минуту Наставник встал, сгреб нижайший документ, складировал его в большой конторский сейф, после чего запахнул зеленый халат, затянул фиолетовый пояс, вернулся к столу. Наставник снова улыбался подопечному.

– Совсем забыл, что документ такого рода ты видишь впервые. К нашему бюрократическому сленгу ты еще не привык. Я переведу, постарайся вникнуть побыстрее. Поскольку дело серьезное и касается каждого. В двух словах...

И Наставник ознакомил Нестора с некоторыми вещами, весьма неожиданными даже для Нага и весьма тревожными не только для Взвеси, но и для всех миров трилоки.

4

Нина была дома. Жена полубоком устроилась на диване. Завернувшись в бежевый мохнатый халат, она демонстративно смотрела телевизор, хотя Нестор был убежден, что звуки передачи уходят в никуда, бессильно растворяясь в обоях гостиной. Нина болела. Нина скучала. Нина злилась.

– Где Антоха? – Нестор догадывался, где их пятилетний сын, но лучше было задать беседе некий отвлеченный тон. Не получилось.

– Антон у твоих. Бабушка заезжала. Привезла мне фруктов и какие-то деньги от твоего отца. Лежат на столе, под сахарницей.

– Зачем взяла?

– Не брала. Она уже в двери объявила. Поставила перед фактом. Ты откуда в такую рань? Ушел тихо, я и не проснулась.

Нестор насупился. Начиналось.

– На работе.

– У тебя методический день – среда. Какая работа?

– Предметников в районе собирали. Забыл тебе вчера сказать. Олимпиады начинаются. История через два месяца.

– И поэтому шея у тебя черная, а в шевелюре куски грязи? Опять на мотоцикле мотался черти где? Врун.

Вроде, пронесло. Мотоцикл – это хорошо, мотоцикл обязательно вывезет. Хуже было бы, вспомни Нина, как они познакомились. Именно эти воспоминания в таких ситуациях не давали Нине покоя. Пока они работали вместе, места для ревности не было. Но с уходом в декретный отпуск, Нина все чаще нервничала, все более настойчиво устраивала допросы, все дотошнее и придирчивее принималась-присматривалась-примерялась. Нина как бы постоянно прослушивала песню «В каморке, что за актовым залом...» и неустанно натягивала ее сюжет на Нестора и его нынешних коллег. Основным доказательством мужней неверности были, конечно же, обстоятельства их собственного знакомства семилетней давности. Особенно напряженной стала обстановка после того, как Нестора нашел Кир. Раджас был конторой более чем солидной, но алиби своим сотрудникам не обеспечивал – зов проводника не проигнорируешь, при этом выкручивайся так, как позволяют тебе наглость, фантазия и чувство юмора.

Братъ Нестор не умел катастрофически, но приходилось: не расскажешь же все так, как есть. Хотя Нестор однажды попытался. Нина отреагировала бурно – сказать, что не поверила, – ничего не сказать. Нестор в тот вечер убежал в пивную через три квартала, вызвонил Кира и потом в течение десятка кружек жалобился сокрушенно и пристыженно. Кир тогда расхохотался, как всегда, гулко и основательно.

– А что ж ты, друг, хотел? – весело выдыхал Наставник, обдавая Нестора хлопьями пивной пены. – Мы ж тебе не масоны, белые перчатки для любимой не выдаем.

Кир хлопал юного Нага по плечу и, успокаивая, признавался:

– Знаешь, моя со временем поверила... Ну, не совсем поверила, – кто ж в такое поверит? – а так, прикинулась, что правила игры принимает и играть согласна. Но только от этого не легче. Иногда разозлиться и такое учудит! Пару дней назад шепотом так выстрелила в спину: «Слушай, а Нагиев тоже из ваших?». А как-то дочь твой предмет учила, так моя Нагайна серьезно ей говорит: «В учебнике все не так. Вот у папы спроси, он тебе расскажет. Нагасаки разрушили американские Драконы, которые охотились на японских Нагов». Хоть плачь, хоть смейся! (Кир действительно издал звук, равно похожий и на смешок, и на всхлип.) И что ей ответить? Что Драконы не охотятся на Нагов? Что нет в Америке давно никаких Драконов? Кроме одного, конечно, – кроме денег. Но деньги – дракон мертворожденный, он только гадить умеет.

Критическая масса не накопилась, тревога была учебной. Нина плотнее закуталась в халат, выключила телевизор и вытащила из-под бока раскрытую книгу с чуть примятыми страницами.

– Поставь чайник и иди в душ, байкер утренний. Ты ж ушел и не позавтракал? Да, и градусник мне передай – вроде температура упала, надо проверить.

5

Нестор не договаривался в этот вечер о встрече с Наставником, но не сомневался, что найдет его в пивной «Варяк». Именно в этой пивной три с половиной года назад состоялась первая встреча опытного Нага и ничего на тот момент не подозревающего неофита.

В тот раз случайный разговор с незнакомцем за очередной кружкой пива спас Нестора от неловкой ситуации. А Нестор ужасно не любил попадать в неловкие ситуации. Даже за киногероев, попадавших в неловкие ситуации, Нестору бывало мучительно стыдно, настолько, что

он старался покинуть комнату с телевизором под любым предлогом – на кухню, в уборную или просто так.

Нестор, хоть и был человеком относительно эрудированным, но агрессию при раздаче этой эрудиции массам проявлял лишь в соответствии с календарным планом учебных занятий. Однако в тот вечер, на исходе второго литра пятничного пива, учителю истории захотелось восстановить историческую справедливость в отдельно взятой пивной. Он уже готовил по всем параметрам дружественную речь, в результате которой барменша Тамара за стойкой должна была с изумлением и раскаянием понять, какую грубую ошибку допустили хозяева в процессе номинации этого заведения. Конечно же, он напевал «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг». Конечно же, он надел на себя маску знатока, готового уверенно и обстоятельно ответить на вопрос телезрителя... И в этот момент гулко прозвучало за соседним столиком:

– Ни при чем!

Нестор обернулся. Из-за соседнего столика на него весело смотрел плотный незнакомец, добродушно улыбающийся в обе розовые щеки.

– Простите? – переспросил Нестор.

– Ни при чем! – повторил незнакомец. – Я говорю, что Ваш крейсер «Варяг» к названию этой пивной не имеет никакого отношения. Как и все прочие варяги скандинавской наружности. Садитесь, молодой человек. Вы уже сорок минут у стойки на ногах.

Толстяк указал рукой на свободный стул напротив и тут же, привставая, подал руку Нестору в жесте приветствия.

– Кир. Так меня зовут, – жизнерадостно утвердил толстяк.

– Нестор.

– Так вот, уважаемый Нестор Петрович...

– Иванович, – автоматически исправил Нестор.

– Петрович, Иванович – не суть важно. А важно то, что варяк – это такой чан, мерная ёмкость. В старину в таких варяках варили пиво. Больше ста ведер из одного выходило.

При осознании глубины той лужи, в которую чуть не пришлось сесть, Нестор поежился. Делать было нечего – конфуз, пусть и не состоявшийся, нужно было запить. Да и нового знакомого стоило угостить – спас ведь. Кир от угощения отказываться и не подумал. А потом благодарно и вежливо повторил «по паре» в ответ. Тот вечер был долгим, сумбурным, но при этом весьма и весьма информативным...

Итак, Наставник сидел за тем же столиком, и был не один – рядом отстранённо покоился довольно потрепанный джентльмен почтенного возраста. На столе в обилии наблюдались цветные упаковки – распотрошенные и пустые. Еще одна, желтая, с копчеными кольцами кальмара, была только открыта и пока не начата. Также на столе имели место четыре кружки – полные, запотевшие, с пеной через край.

Кир широко улыбался – он давно заметил Нестора, еще в окно, и пока подопечный входил в заведение, ждал заказ у стойки и пробирался к столу, Наставник наполнялся искренней радостью, которую горячо вложил в мощнейшее рукопожатие.

– Знакомьтесь, молодой человек, – при посторонних Кир всегда обращался к Нестору на «Вы». – Это Семен.

Семен, не вставая, протянул руку через стол. Жест показался Нестору небрежным, безразличным, но пожатие было крепким, значимым. Кир энергично подмигивал и многозначительно взымал брови. Потом указательным пальцем левой руки, той руки, которую Семен не мог заметить за объемными формами Наставника, Кир ткнул в сторону потолка и одновременно возвел очи горе, мол, «товарищ – оттуда». Именно оттуда, сверху, а не снизу, как показывал бы Кир, представляя Нагово начальство с какого-нибудь почетного Дна.

А это могло означать только одно: напротив Нестора за столом в «Варяке» сидел Дракон.

6

Дракона Нестор видел впервые. Он и слышал-то об этих существах всего один раз – если считать истории содержательные, а не просто упоминания. Это было в день первого перевоплощения. Нестор тогда совершил обычную ошибку Нага-новичка – «сыграл в прятки». Задышавшись в гнетущем мраке, он не сумел зафиксировать змеиную ипостась и через несколько секунд вновь стоял на двух ногах – по-прежнему задышавшись и по-прежнему во тьме. Где-то в двух шагах гоготал Кир:

– Ну, друг, как говорят у нас: нагнуться – не прогнуться! Да не рви ты – Нинка твоя заругает потом! Ищи щель! – И вновь Кир гоготал, прихлопывая себя по ляжкам.

«Игра в прятки» – традиционная шутка Наставников: ни один неофит и не думает избавляться от одежды перед тем, как «нагнуться», поэтому, впервые перевоплотившись, еще не умея смотреть душой, несчастный оказывался в тенетах собственного белья, терял контроль, спешил назад, в человеческий облик.

7

Кир имел склонность к шуткам и розыгрышам. Указующий в небо перст Наставника мог, в конце концов, означать что угодно. Нестор решил не обращать на эту пантомиму внимания. Пока не известно, кем был Семен в мирах трилоки, но здесь, во Взвеси, он был, по словам Кира, «уролог, венеролог, дерматолог – триедин и вездесущ, врач от рождения, обращайся, если что» (тут Кир лукаво подмигнул).

Услышав об урологии, «врач от рождения» о чем-то вспомнил, вознеся над столом всем своим совершенно не спортивным телом, повел плечами, сокрытыми под сизым пиджаком, и молча двинулся в сторону уборной.

Кир приподнял бокал:

– Так выпьем же за тех, кому посчастливилось найти призвание и раскрыть сокрытый потенциал! – провозгласил он.

Чокнулись. Кир – задорно, Нестор – пресно, без аппетита.

– Что душу Вашу гложет, дружище? – Кир прошипел фразу настоящим змеем, все через «Ш» – он говорил и одновременно дегустировал кальмарье кольцо.

– Ничего, – Нестор и сам не знал, где рассеял бодрость и вкус жизни. – Устал просто.

– О, да! – понимающе кивнул Кир. – Перевоплощение отнимает силы, а некоторых по возвращении даже вгоняет в депрессию.

– Кстати, давно хотел спросить. Почему сам этот процесс имеет столь унижительное наименование? Ваше любимое «нагнуться – не прогнуться» отдает чем-то лагерным.

– Мой друг, вы же учитель. Пусть не филолог, но тоже интеллигентный человек. «Лагерным», – передразнил Кир и брезгливо скривился то ли по поводу Несторового незнания элементарных вещей, то ли по поводу неуместного слова, то ли из-за тухлого кольца. – Вы же неправильно поставили ударение. Сместите его на первый слог.

– Я всегда думал, что это у Вас кокетливая какография такая. Эрратизм. Ну, как компАс у моряка.

– Ну, как же? Все ж на поверхности. «НАгнуться» – статья Нагом; «прОгнуть» – от слова «прога» – означает воспринять программу извне, то есть подчиниться авторитету. Помните у Белинского? Толпа живет по преданию и мыслит по авторитету. Эта формула издревле определяла положение Нага по отношению к толпе – свободное и отстраненное. Нагнуться – не прогнуться. Учите матчасть, мой друг.

– Свободное? Так ли? – Нестор включил скепсис учителя истории.

– Углубляетесь, мой друг? – улыбнулся Кир радостно. – Это только приступив ко второму бокалу? А где грань между свободой и зависимостью? Вы готовы ответить? Я – нет. Однако думаю, что именно на этой грани лежит самое глубокое, самое решающее различие между растительным и животным существованием.

– Э, нет! – Нестору теперь тоже было весело – он ощутил прилив сил и оживление интереса к беседе. – До Вашей глубины мне еще далеко. Все равно не понимаю – почему мы так часто используем корень «наг» при наименовании окружающих нас вещей, явлений, процессов? Есть в этом какая-то пошлость.

Кир посмотрел поверх головы своего подопечного. Нестор обернулся. «Триединый и вездесущий» Семен стоял у стойки и оживленно раскладывал по деревянной столешнице некие тезисы, помогая себе ребром ладони. Барменша Тамара внимательно слушала. Тамара любила по-настоящему глубоких людей и терпеть не могла разговоры о политике, рыбалке и футболе. Насколько Нестор знал ее историю, Тамара закончила Академию пищевых технологий, имела диплом технолога-винодела, но призвание свое (вспомнился первый сегодняшний тост Кира) нашла именно здесь – за барной стойкой. Так сказать, «раскрыла сокрытый потенциал».

– Ну что ж, мой друг. – Кир сдвинул два бокала, пустой и почти полный. Раздался приглушенный звон. Это вернуло Нестора к беседе. – Вопрос Вы задали непростой, а потому ответ я обязан дать обстоятельный. Приготовьтесь – будем считать этот наш разговор предметным семинаром.

И Нестор приготовился слушать.

8

– То, что у людей принято называть прозрением, на самом деле является неким особым состоянием, имеющим различную природу, но всегда – детерминированным. Несомненно, некоторые «прозрения» обусловлены опытом, накопленным как лично прозревшим гением, так и человечеством в целом. Со стороны такой гносеологический скачок может выглядеть как откровение свыше, но, по сути, искусство гения заключается в способности анализировать следствия, выводить из них причины, а затем экстраполировать данный процесс в будущее: устанавливать следствия как новые причины и выводить из этих новых причин новые следствия. При достаточном интеллектуальном уровне носителя, при достаточном объеме верно выбранной информации способность гения к таким «прозрениям» вполне можно принять не просто за умелую аналитику, но и за пророческий дар. Пока все понятно?

Нестор кивнул – он привык: «семинары» Наставника настолько обстоятельны, что сам предмет будет обозначен лишь в конце беседы, а по дороге нить познания будет струиться, как тело Нага меж камнями.

– Но, как Вы сами понимаете, мой друг, такие аналитики не пишут для прессы и не выступают по телевидению. Часть из них, – та, что осталась у обочины, – изливает откровения друзьям и женам на пьяных кухнях; другая часть, – та, которой повезло меньше, – складывает свои откровения в красные папки с грифом «Совершенно секретно».

Откровения гениев первого рода – невинный треп, который холостым хлопком выливается с последним алкоголем из бутылки в «ты меня уважаешь? – уважаю». Откровения гениев второго рода ложатся в основу глобальных свершений, становятся пунктами в надгосударственной программе действий и чреватые серьезным резонансом, значимым не только для Взвеси, но и для всех миров трилоки. Поэтому, во избежание неприятных последствий, как Вы сами должны были догадаться, некоторую часть «прозрений» такого характера приходится наводить нам, Нагам. Целый отдел наших с Вами коллег, мой друг, ткнут органику таких суггестий на Седьмом дне Раджаса. Внедрением суггестий занимаются товарищи, имеющие ранги поменьше. У нас называют это «поработать совестью».

Тут Кир посмотрел на Нестора с какой-то почти отеческой грустью. Нестору этот взгляд не понравился – стало так же неудобно, как во время просмотра фильма в сцене, где человек попадал в неловкую ситуацию. Но Кир продолжал.

– Безусловно, иерофанты иногда догадываются о нашем вмешательстве и сурово пресекают те наши поползновения, которые им удалось обнаружить. На этих фронтах, мой друг, почти четыре тысячелетия по времени Взвеси идет жестокая и беспощадная битва. Жертвами этой невидимой войны полегли многие талантливые люди и, что Вам будет слышать особенно неприятно, многие талантливые Наги. Однако бывают пограничные ситуации. Гений вырастает из кухонного трепа, но непостижимым образом слишком поздно оказывается в зоне особого внимания городских магов, вернее, их хозяев – иерофантов.

– Вот опять... – начал было Нестор, но Наставник вовремя поднял ладонь в знаке «стоп» – мол, всему свое время.

– Как Вы понимаете, мой друг, у нас своя зона особого внимания, из которой человеку, тем более гению, выпасть ну никак не возможно. Такие гении третьего рода работают в тесном сновиденческом контакте с нашими операторами. Именно из-под их пронзительного пера вышли те труды во всех областях знания, которые века и века определяют мировоззренческую, ментальную составляющую как отдельных народов, так и всего человечества. Эти труды (а значит, их авторы тоже) – наша, как говорится, надежда и опора, наш последний – поскольку единственный – бастион, за стенами которого таится не просто вектор развития, но сама возможность существования Взвеси как особого феномена Бытия.

Разговор только начинался, Нестор даже на горизонте не видел пока ответа на заданный вопрос, но в этот момент возникла вынужденная пауза: к столу вернулся «триединый и вездесущий» уролог Семен. За его спиной стояла барменша Татьяна с тяжелым разносом. Вечер обещал быть долгим.

9

Семену не сиделось. Он периодически вставал, разминался, совершал моцион к стойке и назад, к столу. Наконец, он произнес голосом Анатолия Папанова в роли Кисы Воробьянинова:

– А поехали в салон!

– Окстись, Семен, – рассмеялся Кир без всякого пиетета. Нестор все больше сомневался в Драконьей сути уролога-венеролога-дерматолога.

Но Семен окститься не захотел. Семен хотел в салон:

– Господа, переживать смысла нет. У меня своя торговая марка, и эта марка дает гарантию. На каждом базаре есть свой санитарный врач. Он ставит печати на продуктах питания. На этом базаре печати на тушки ставлю я. – Семен полез во внутренний карман пиджака, извлек оттуда кожаный футляр на змейке. В футляре действительно оказалась печать врача. Резко щелкая механизмом печати, Семен успел поставить оттиски на нескольких салфетках, пока довольно решительно Кир не завладел этой статусной регалией.

– Угомонись, Семен, – более настойчиво, но по-прежнему весело хохотнул Наставник Нестора. – В какой салон? Ночь на дворе, а у тебя завтра прием.

Нестор взял одну из пропечатанных салфеток. По окружности оттиска значилось мелкими синими буквами: «Семен Немирович Волх». В центре – короткой поперечной надписью: «ВРАЧ». Было какое-то этнографическое несоответствие в сочетании имени, отчества и фамилии. Нестор воспринял это несоответствие на уровне вискового послекусия – как непонятную ноту, перебивающую привкус торфа и дыма. Салфетку он зачем-то спрятал в карман.

Семен остыл так же резко, как и загорелся. Присел, глотнул, задумался. Предпринял последнюю попытку совращения:

– Молодой человек, – обратился он к Нестору впервые за этот вечер. – Составьте компанию своему более опытному товарищу. Ладно этот старый пень – весь тестостерон оставил у своей Ларисы. Но Вы же – здоровый мужчина. А я гарантирую высокое качество и отсутствие последствий – заявляю как профессионал. Все прошли обследование, могут даже книжки санитарные показать. Нас ожидает радушная встреча, проникновенное уважение к моей работе и много неожиданных сюрпризов.

Нестор натянуто улыбнулся – он не знал, что ответить и ждал поддержки от Наставника. Но Кир молчал, положив подбородок на кулак, – он пристально смотрел на подопечного, в его глазах играли искорки.

– А что, Нестор? Нет ли сермяжной правды в словах уважаемого господина венеролога? За своих протеже он ручается честью врача. Не стоит ли Вам, мой друг, хотя бы для приличия отправиться во все тяжкие в эту ночь, полную сюрпризов?

Нестор совсем растерялся. Ехать он никуда не хотел. Нет, не в виду пуританских взглядов или каких-либо ограничений морального, физического или иного характера. Просто завтра были уроки, целых шесть, да еще в разных параллелях; Нинка и так злится из-за этих вечеров в «Варяке», не стоит ее огорчать поздними возвращениями; да и в самой ситуации – ехать к проституткам с малознакомым немолодым врачом-венерологом – наблюдался серьезный диссонанс. Неужели Наставник таким образом проверяет его или, что хуже, дает рабочее задание?

– Сегодня без меня, – наконец выдавил он почти виновато. – Если можно. При всем уважении.

– Эх, молодой человек! – застонал Семен раздосадовано. – Когда ты его уже напоишь, Кир? Такой перспективный кадр, а еще ни в одном глазу. Напой его!

Кир рассмеялся.

– Обязательно, Семен! Обязательно напою. Но еще не время. Ты же знаешь, напитки в нашей конторе сугубо по разрядке в пределах квоты.

– Бюрократы, – проворчал Семен.

Кир обратился к Нестору:

– Ну, значит отправитесь в салон в другой раз, мой друг. Не минует Вас чаша сия. Придется мне тряхнуть стариной. Не отпускать же дорогого Семена одного в столь пикантное путешествие.

И добавил шепотом:

– Может, удастся переключить его на бильярд. Или к себе домой завезу – Лариска коньяк откроет.

Кир кивнул С. Н. Волху. Тот не совсем трезво снова полез во внутренний карман пиджака, на этот раз за телефоном – вызвать такси и обрадовать своих пациенток. Потом, слегка покачиваясь, прижав телефон к правому уху, двинулся к выходу, чтобы шум зала не мешал телефонному разговору.

Нестор попытался достать кошелек, но Кир остановил его жестом:

– Я угощаю сегодня. – И выложил несколько купюр на давно, еще на разносе, принесенный Тamarой счет.

Встали. Пожали руки. Кир придержал руку Нестора в своей.

– Вам, мой друг, стоит помнить: Ваша жена вытянула в этой жизни жребий одновременно счастливый и незавидный. Мы, Наги, на многие вещи смотрим не так, как люди. Иначе. Но я уверен: она справится. Всего доброго, мой друг.

Нестор направился к выходу вслед за Наставником. Перед самыми дверями Кир обернулся.

– Вам все-таки придется развеяться. Послезавтра, в пятницу, на Первом дне будет мероприятие. Вы же никогда не были на наших корпоративных вечеринках?

Нестор отрицательно покачал головой.

– Это моя недоработка. Вот в эту пятницу все и исправим. Кстати, будет возможность закончить наш разговор. Возражения не принимаются. Проводника я направлю. Ждите зов.

10

Нестор любил преподавать историю. Особенно в тех классах, где обычная для нынешних учеников индифферентность сочеталась в должной мере с любознательностью и живым умом. На его уроки приходили смотреть: родители учащихся, коллеги, администрация школы, района; однажды пожаловали даже из области. Его дважды посещала съемочная команда местного телевизионного канала: молодой талантливый учитель, речь хорошо поставлена, рубашка выглажена, к тому же, мужчина, что в школе большая редкость, – в общем, лицо современной системы образования.

Он никогда не работал по учебнику. Да, он концентрировал изложение материала на предусмотренных учебной программой обязательных отправных точках, но рассматривал каждый вопрос с максимального количества возможных ракурсов, благо материала было предостаточно. Нестор не пропускал ни одного исторического романа, попавшего в поле читательского внимания, по возможности читал биографии исторически значимых личностей, как в публицистическом, так и в художественном изложении. Его воображение и аналитические способности заставляли историю бодрствовать, течь полноводной рекой во взаимосвязи причин и следствий, в искристом переливе фактов и сиянии тенденций.

Со временем Нестор подхватил хворь, настигавшую любого толкового и знающего специалиста: он возомнил себя лучшим, хотя очень удивился бы, узнай, что это действительно правда.

Некий дискомфорт ощущал Нестор лишь в тех случаях, когда программа требовала давать историческим событиям «правильную» оценку. Нестор морщился почти брезгливо, замечая в методичке исторический факт, сопровождаемый искусственно прилепленным атрибутивом. Все эти «освободительные» или «захватнические» войны, «прогрессивные» или «благородные» революции, «убийственные» или «позорные» договоры были лишь войнами, революциями и договорами – все определения появились позже, как эпитет «Божественная», добавленный потомками к «Комедии» Данте. Причем с одной стороны к войне лепили «освободительная», с другой – «захватническая». Одни называли внутренние кровавые разборки «Великой революцией», другие – «мелким путчем». Одни строили памятники и провозглашали национальные идеи, другие сносили памятники и называли эти идеи коричневой чумой. Иногда – наоборот: одни называли и воздвигали, другие провозглашали и сносили.

И не так важно, погибли в битве четыреста гоплитов, шесть тысяч инфантерии или десятки миллионов человек – кровь остается кровью. И с этой точки зрения, мировая история – это короб, декорированный достижениями культуры, но при этом доверху набитый трупами и дерьмом. Так что работа настоящего историка больше похожа на труд ассенизатора и патологоанатома.

Всегда находились академики, а чаще – метящие в академики, которые подводили под каждое новое видение истории научную базу. Существующие с момента возникновения этой области знаний, они – просто бальзамировщики, наводящие макияж заданного формата. Если вдруг в стране открывают какое-нибудь учреждение по восстановлению исторической справедливости – жди неожиданных переосмыслений и новых нетрадиционных комментариев к очевидным историческим реалиям. Предатели превратятся в героев, террористы – в борцов за справедливость, униаты – в сепаратистов, силовики – в боевиков. Или наоборот. Так было, так будет и так происходит именно сейчас за этими окнами, под этим красным марсианским закатом.

В истории, как и в жизни, не было белого и черного, плохого и хорошего. Одним из тех летописцев, которых Нестор авторитетно уважал, был Фукидид. Этот хронолог Пелопонесской войны редко выражал свое отношение к противоборствующим сторонам. Афины или Спарта, демократия или олигархия, – в «Истории» Фукидида говорили факты. Нестор получил дорогое подарочное издание этой «Истории» на День учителя. В таких книгах ставить ремарки было почти кощунством, но, не удержавшись, он все же выделил один абзац жирной вертикальной линией по мелованной бумаге. Этот абзац ярко характеризовал субъективное отношение участников к результатам сражения: «Кто одержал победу, осталось неясно. Действительно, обе стороны обратили в бегство противостоящее крыло неприятеля. И те и другие воздвигли трофеи и послали в Дельфы взятую добычу. После больших потерь с обеих сторон ночь заставила прекратить битву, не дав никому перевеса. Тегейцы, заняв поле битвы, расположились там лагерем и тотчас же поставили трофей, а мантинейцы отступили в Буколий и после также воздвигли трофей».

Человечество могучим великаном то мерной поступью, то рывками, то скачками, то перебежками двигалось в каком-то определенном направлении. Всякий раз, когда на этом пути лилась кровь, не было победителей – проигрывали обе стороны. Не важно, кто водружал трофей – выигрывала лишь война. Но война не имеет собственных интересов, война не начинает сама себя. В процессе профессиональной деятельности Нестор все больше убеждался в том, что существует некий скрытый бенефициар, на которого, как говорится в старом анекдоте, «записан весь гешефт».

И бенефициар этот то и дело подталкивает полуслеплого гиганта то войнами, то революциями, то переворотами, то новыми философскими учениями, как вивисектор подталкивает электроразрядами подопытного зверя, если тот выбирает неверное направление.

«И те и другие воздвигли трофей и послали в Дельфы взятую добычу». Где же эти Дельфы? Кто же эти пифии, которые подстрекают к кровопролитию, суля победу и тем, и другим? Кто же эти жрецы, которые, пока идет война, молятся за обе стороны и в результате получают золотые треножники от обеих сторон?

11

Сегодня четверг, шесть уроков, три параллели. Голова была чуть не свежа – пора было завязывать с такими вечерами. Слишком много пива, слишком много информации, слишком много нервов, потраченных на объяснения с Ниной.

Нестор распределил сегодняшнюю работу по степени самоотдачи.

У восьмых – контрольная. Написать на доске тему, обозначить варианты, раздать материал и важно ходить по классу, помогая советом, жестом, взглядом. Списывать неоткуда – есть конспекты, если вел исправно – пользуйся на здоровье.

У выпускных классов – работа с периодическими изданиями, своеобразная политинформация. Одни расскажут о событиях за последнюю неделю в мире, другие – в стране, третьи – в городе. Слушать, корректировать, дополнять, следить за дисциплиной, направлять дискуссию. Ребята взрослые, такая самостоятельная подготовка для них не впервой, уроки будут живыми, в активном темпоритме – хоть приглашай зрителей.

И только у девярых сегодня новый материал, Великая французская революция.

После вчерашнего разговора с Наставником остался – нет, не осадок... Осталась какая-то трудно объяснимая шероховатость. Мелкий наждак, за абразив которого цеплялась мысль.

Нестору предстояло излагать на уроке сложнейший материал. События 1789–1799 годов во Франции – запутанный исторический узел, к которому сходятся и от которого расходятся фабульные ниточки предшествующих и грядущих преобразований. Эту тему Нестор освещал

уже в шестой или седьмой раз – в школе и гимназии, и, если добавить муштру перед экзаменами в университете, то получался немалый объем проделанной подготовительной работы.

Всякий раз на подступах к теме Нестор перелистывал старые конспекты, – выражаясь педагогическим сленгом, «актуализировал опорные знания». И, безусловно, добавлял все новые и новые массивы информации – целые плетеные ковры причин и следствий. Он и раньше понимал, что Великая французская революция началась отнюдь не со взятия Бастилии и, конечно же, совсем не во Франции. Но теперь, после намеков Наставника на вмешательство Нагов-операторов, «работавших совестью» во снах исторически значимых фигур, и на деятельность неких загадочных городских магов, руководимых еще более загадочными иерофантами, Нестор окончательно потерял ту ниточку, за которую старался раньше разматывать этот исторический клубок.

Однако. Через минуту раздастся звонок. Портреты развешены, тема записана на доске. Под ней столбиком – основные даты. Пора упорядочить хаос в мыслях и укрепляться на рельсах, по которым скользят весь академический час – сорок пять минут урока. Наги, Драконы, городские маги, иерофанты – к черту их! Нестор твердо решил в следующий раз не отпускать Кира до тех пор, пока тот не разложит всю эту нагову терминологию по полкам. Прав Наставник: нужно будет основательно выучить матчасть.

Класс встал, приветствуя учителя. Шепот, как обычно, пробежал волной от первых парт и замер на галерке. Нестор улыбнулся. Спортсменам, наверняка, нравится финиш. Учителям нравится старт. В этих первых минутах урока сконцентрирована педагогическая магия – происходит сразу несколько чудес: контакт с аудиторией, резонанс настроений и высвобождение неумной энергии, замешанной на желании учителя передавать знания, на любви детей к своему педагогу и на их, учеников, познавательной активности. Начиналась мистерия.

– Садитесь. Конспекты. Помним: тема, дата. Готовы? Итак...

12

Класс шумел. Нестор и не пытался установить тишину: шла дискуссия, а значит шум был плодотворным, полезным, насыщенным. Ребята приглушенно спорили друг с другом, некоторые тянули руки. Учитель кивнул Лизе с третьей парты.

– Нестор Пе... Простите, Нестор Иванович, скажите, а зачем Людовик Пятнадцатый подписал торговый договор с Англией? Во Францию хлынули дешевые товары, крестьяне разорились, буржуи тоже. Все были недовольны, стали злыми, революцию начали, королю голову отрубили. Этот Пятнадцатый был совсем дурак?

Класс прыснул. Нестор Иванович улыбнулся. Он специально вызвал Лизу. Она была девочкой весьма симпатичной и неизменно кокетливой. Кроме того, она была отнюдь не глупа. В отличие от мальчишек, которые старались привлечь к себе внимание противоположного пола тем, что несли всякую отвлеченную чушь, которая только им самим казалась остроумной, Лиза важно задавала вопросы пусть не всегда корректные с точки зрения лексики, но зато в рамках темы урока. Нестор еще в сентябре попросил ее занять место за третьей партой в среднем ряду. Здесь располагался как бы «географический центр» класса. Как только Лиза вставала и начинала говорить, мальчишки, основные источники шума, в едином порыве замолкали, как на первых, так и на последних партах, и реагировали потом организованно, сообща.

– Шестнадцатый, – исправил Нестор. – Людовик Шестнадцатый. Был казнен 21 января 1793 года на площади Революции в Париже. Перед тем, как положить голову на плаху гильотины, спросил у палача, не слышал ли тот чего-нибудь об экспедиции Лаперуза. Потом всех простил и умер, считая себя невиновным. Хотя бывают ли совершенно не виновные короли или президенты? Но – нет, Людовик был не дурак. Его можно обвинить в честности, доверчивости (если в этом можно обвинять), простодушии, нерешительности, но никак не в глупости.

И не в трусости – жестокий приговор он выслушал совершенно спокойно. Кроме того, торговый договор с Англией, хоть и сыграл свою роль, но трудно назвать его причиной революционного пожара.

– А что было основной причиной? Засуха, град, неурожай? – спросил Павел Стрельцов с места (галерка все-таки).

– Действительно, в 1785 году во Франции была засуха, а спустя три года – страшный град. Но ни голод, ни разорение, ни безработица не делают революций.

– А кто делает? – все тот же Павел.

– Люди. Революции делают люди. И не те, которые возводят баррикады. И даже не те, которые кричат с трибун возводить баррикады...

– Это все пиндосы, – громко пробурчал Макс Зурабов, умный, но ленивый девятиклассник; сидел в одиночестве за предпоследней партой у окна.

– Во-первых, не пиндосы, а жители Соединенных Штатов Америки, – сдержанно исправил Нестор. – А во-вторых, поясни свою мысль.

И Макс неожиданно пояснил. Оказалось, он все-таки слушал учителя, что-то даже сумел запомнить и – о, педагогическая победа! – сделал выводы. Насколько эти выводы были истинными? Настолько же, насколько можно назвать истинным любой субъективный комментарий к историческим событиям.

– Ну, Вы же сами говорили: Франция хотела насолить Англии, своему главному торговому конкуренту. Во время войны в Америке поддержала сепаратистов. Ну, тех сепаратистов, которые теперь других называют сепаратистами. Республиканцев. Потратила все деньги на эту войну. И потом жители Соединенных Штатов Америки, – Зурабов демонстративно выделил учительский эвфемизм, – стали жировать, а французские солдаты, привыкшие воевать, вернулись во Францию. Там они не смогли остановиться и устроили резню. Ужасы демократии хлынули тогда в Европу так же, как сейчас заливают Восток. И Людовика – не важно, какой его номер порядковый, – тогда казнили так же, как сейчас казнили этих двух, не помню имен.

Брат Макса учился в выпускном классе, готовил на сегодня доклад о событиях в мире. Вот ученик и сопоставил события истории новой и истории новейшей. Нестор успел привкнут к наивному максимализму братьев, этой фамильной черте Зурабовых. Учителя не смущали острые, порой почти радикальные, суждения. Ребята со временем перерастут и нечаянную резкость, и показную ленцу. Нестор хотел указать на ошибки, на очевидную поверхностность заключений, но не успел – прозвенел звонок. Педагогический опыт категорично и справедливо утверждает: любая информация, предлагаемая ученику после звонка, будет утеряна безвозвратно. Ученик на уроке и ученик на перемене – два различных существа. Пусть занимаются своими «переменными» делами.

А вот учитель остается тот же. Его урок еще не закончен. Нестор Иванович устало опустился за учительский стол, чтобы заполнить журнал. Перед мысленным взором, как в фонаре Гюйгенса, проносились воображаемые картины тех далеких событий: вот разъяренная толпа раздирает на куски честных вояк, выполнявших свой долг при обороне Бастилии; вот ошалелые женщины возвращаются из Версаля, наколов на пики хлебные булки и горланя песню про пекаря, пекаршу и пекаренка – про королевскую семью, которая тут же униженно следует за этой толпой; вот король, доведенный до отчаяния, переодевается слугой и пытается бежать из собственного дворца от собственных подданных; вот наглые комиссары шныряют по домам парижан и выволакивают на улицы, а потом запикивают в тюрьмы неугодных по проскрипциям Коммуны, как это было в Риме по проскрипциям Суллы, как это происходит и сегодня по проскрипциям новых диктаторов от революционеров-демократов; вот те же комиссары рубят саблями и расстреливают из пушек беззащитных священников в монастыре Кармелитов и душевнобольных в Бисерте; вот казнят полторы сотни швейцарских гвардейцев, которые до конца оставались верны присяге и королю; вот носят на пике (не на той ли, на которой до этого

носили хлеб?) перед взорами королевской семьи голову их родственницы, принцессы де Ламбаль; а вот на таких же пиках несут головы Марата, Дантона, Робеспьера – тех, кто возглавлял этот кровавый хаос. История не знает исключений. Она последовательна, как конвейер Форда, и справедлива, как Дракон в супрапозиции. И разве так важно, кого завтра назовут героем, а кого предателем? Все это Взвесь, и рано или поздно она осядет илом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.